

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Потеря Ливоніи.—Римъ и Москва.

I. Миссія Шевригина.—II. Папское посредничество.—III. Ямъ-Запольское перемирье. — IV. Посевинъ въ Москвѣ. — V. Послѣ перемирія.

I.

Миссія Шевригина.

Отправленіе Шевригина посломъ въ Римъ было событіемъ, не имѣвшимъ прецедентовъ. До сихъ поръ первые шаги всегда предпринимались папскимъ дворомъ. И всегда Польша старалась стать поперекъ дороги этимъ попыткамъ; а Венеція, заинтересованная въ томъ, чтобы завязать коммерческія сношенія съ Московіей, напрасно старалась побѣдить сопротивленіе ея подозрительной и зоркой дипломатіи. Посланцы папы Пія IV—Канобіо, Джиральди, Бонифачіо,—всѣ были перехвачены предшественниками Баторія. Въ правленіе Пія V, въ 1570 г. Винцентъ дель Портико, папскій нунцій въ Польшѣ, пробовалъ было занять мѣсто посредника между Иваномъ и Сигизмундомъ-Августомъ, имѣя въ виду заключить лигу противъ турокъ. Но какъ разъ въ это время посоль Иванъ въ Константинополь старался представить своего государя весьма расположеннымъ къ султану; объ этомъ узнали въ Римѣ, да и, кромѣ того, знакомство съ записками Альберта Шлихтинга, — солдата прусскаго происхожденія, бѣжавшаго изъ Московскаго плѣна послѣ послѣдней неволи, еще болѣе охладило папу. Въ 1576 г. былъ произведенъ новый опытъ: нунцій Лаурео, принужденный покинуть Польшу изъ за двойного избранія Баторія и Максимилиана, столкнулся въ Германіи съ двумя русскими послами, Сугорскимъ и Арцыбашевымъ. Новый папскій легатъ при дворѣ императора, кардиналъ Мороне, способствовалъ этимъ переговорамъ. Съ разрѣшенія Григорія XIII, онъ выбралъ Родольфа Кленке, ученаго, обладавшаго сильнымъ тѣлосложеніемъ и предприимчивымъ

духомъ, чтобы содѣйствовать сближенію, котораго такъ давно желали. Но Польша слѣдила зорко, и въ самый послѣдній моментъ Максиміанъ воспротивился отъѣзду указаннаго уполномоченнаго. Наконецъ, въ 1575 г. во время перваго похода Баторія, преемникъ Лаурео, Калигари, такъ же безуспѣшно повторилъ попытку Портико.

Теперь первый шагъ навстрѣчу дѣлалъ царь. Леонтію Истомѣ Шверигину, котораго за границей звали Томасомъ Северингенъ, было поручено предложить тотъ союзъ противъ турокъ, на которомъ Римъ строилъ свои—наполовину религіозные, наполовину политическіе планы. Главнымъ условіемъ этого союза было то, чтобы Польскому королю дать совѣтъ, а, при необходимости, и приказаніе заключить миръ. Проѣзжая черезъ Прагу, гдѣ императоръ встрѣтилъ его довольно холодно, Шверигинъ вошелъ въ сношенія съ папскимъ нунціемъ и съ Венеційскимъ посломъ. Сначала думали, что у него есть нѣкоторыя порученія къ республикѣ: но оказалось, что онъ не знаетъ даже титула дожа и думалъ, будто Венеція составляетъ часть папской области. Но дорогой онъ присоединилъ къ себѣ двухъ спутниковъ, Ливонскаго нѣмца, Вильгельма Понлера, и миланца Франческо Паллавичини,—у которыхъ было больше и свѣдѣній, и изобрѣтательности. Въ сопровожденіи этихъ двухъ господъ онъ отправился въ Венецію и вручилъ дожу царскую грамоту. По мнѣнію Пирлинга (*La Russie et le Saint-Siège*, II, 14 и д.) онъ сфабриковалъ эту грамоту самъ, чтобы имѣть право пользоваться папскими милостями; по мнѣнію Успенскаго (Сношенія Рима съ Москвою, Жур. Мин. нар. пр. 1885, авг.), ее сочинили въ Римѣ, чтобы привлечь республику къ дѣлу религіозной пропаганды, которое, повидимому, начинало на этотъ разъ налаживаться.

Импровизированный посолъ и не старался быть тонкимъ дипломатомъ. Онъ съ удовольствіемъ принималъ расточаемыя ему почести, туманно говорилъ о возможныхъ торговыхъ сношеніяхъ, указывая довольно неопредѣленно на путь водою черезъ Каспійское море и Волгу; излишней болтовней далъ понять объ отчаянномъ положеніи своего государя и поспѣшилъ въ Римъ, куда и прибылъ 24 февраля 1581 года.

Сначала онъ принять былъ хорошо и съ бѣлымъ почетомъ, нежели заслуживало его званіе простаго *зюнца*. Но чтеніе привезенной имъ грамоты, на этотъ разъ подлинной, подѣйствовало охлаждающимъ образомъ. Царь выражалъ въ ней желаніе, чтобы папа *повелѣлъ* Ба-

торію отказаться отъ союза мусульманскаго и войны противъ христіанъ; но о вѣрѣ не было ни слова. Иванъ просилъ многого, ничего не давая взамѣнъ. Но искушеніе войти въ какіе бы то ни было сношенія было слишкомъ велико, и рѣшено было отправить въ Москву посла. Ему надлежало поставить на настоящее мѣсто условія союза: сперва религіозный миръ, а потомъ политическое соглашеніе. Очень можетъ быть, какъ предполагалось многими, что здѣсь не обошлось безъ польскаго вліянія; во всякомъ случаѣ, этотъ планъ былъ наиболѣе разумнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но, когда избранъ былъ посредникъ, подъ вліяніемъ его пошли еще дальше. Посевинъ былъ замѣтнымъ дипломатомъ. Уже два раза, въ 1578 и 1580 г., на него были возложены порученія къ шведскому двору, и онъ былъ назначенъ папскимъ викаріемъ всего Сѣвера. Онъ слылъ довольно ловкимъ дипломатомъ и выказалъ очень опредѣленную наклонность не только подчинять духовные интересы свѣтскимъ, но даже и жертвовать ими въ случаѣ необходимости. Въ Стокгольмѣ, куда онъ явился въ платьѣ дворянина, со шпагой на боку и со шляпой въ рукѣ, ему не удалось добиться союза съ Римомъ; но онъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ между Швеціей и Польшей, начатыхъ ради заключенія союза противъ Москвы, который оказался такимъ неудачнымъ. Въ 1579 г. онъ посѣтилъ въ Вильнѣ Баторія съ тою же цѣлью. Теперь же онъ добился того, что, подъ его вліяніемъ, римскій дворъ незамѣтнымъ для себя образомъ далъ себя увлечь отъ религіи въ сторону политики.

Мысль о союзѣ противъ Ислама была химерой: Филиппу слишкомъ много было заботъ съ новымъ покореніемъ Португаліи, Венеція слишкомъ была заинтересована за послѣднее время гаванями Леванта. Но вопросъ о лигѣ выдвигался впередъ каждый разъ, когда въ Римѣ было извѣстно, что за нею—стать некому и нечему. Для Рима, какъ и для Москвы эта лига являлась лишь ширмами, скрывавшими интересы болѣе практическаго свойства. Если даже папѣ и не удастся поднять европейскія державы для новаго крестоваго похода, все же въ ихъ единомысліи по этому вопросу, создавшемся подъ покровительствомъ престола, св. отецъ видѣлъ возможность вернуть хотя крупицу своего прежняго значенія. Казалось, что протестантство отступаетъ во многихъ пунктахъ: въ Нидерландахъ вытѣснялъ его Филиппъ Фарneze; во Франціи поднимали голову Гизы; въ Швеціи, подъ покровительствомъ тайнѣ сочувствовавшаго короля, королева воспитыва-

вала наслѣдника престола въ самой пламенной католической вѣрѣ; въ Польшѣ диссиденты уже не являлись политической партіей, а, разъ потерянная для Германіи, Ливонія могла ускользнуть и отъ реформации. Въ Римѣ предполагали, что во власти ереси останутся только Англія, часть имперіи и маленькая Данія. Если, помиривъ Москву и Польшу, удастся, подъ предлогомъ общей обороны противъ турокъ, заставить Габсбурговъ заключить коалицію съ Венеціей—конечно, подъ эгидой Рима—къ этому послѣднему можетъ, пожалуй, вернуться господство надъ міромъ.

Папство уже дошло до такого состоянія, когда, за отсутствіемъ желаемой дѣйствительности, громадное значеніе придавалось простымъ возможностямъ.

Папская грамота, адресованная Ивану въ отвѣтъ на его письмо, отразила въ себѣ всѣ эти расчеты. Папа принималъ мысль о лигѣ, а равно и условія, предложенныя Иваномъ. Онъ, пожалуй, явится посредникомъ между нимъ и королемъ Польши. Но онъ ставилъ свое посредничество въ зависимость отъ нѣкоторыхъ условій: миръ можетъ быть заключенъ лишь на основаніи такого союза, который соединяетъ всѣхъ въ лонѣ истинной церкви. Это было довольно ловко придумано; однако же, въ тайныхъ наказахъ, данныхъ Поссевину и разработанныхъ съ его помощью, рѣшительный смыслъ этого отвѣта оказался значительно смягченнымъ. Тамъ еще говорилось о воссоединеніи обѣихъ церквей, какъ о конечной цѣли, къ которой іезуитъ долженъ былъ стремиться; но, на практикѣ, его миссія была, повидимому, ограничена двумя пунктами—чисто мірскаго свойства: я имѣю въ виду установленіе торговыхъ сношеній съ Венеціей и заключеніе мира между Польшею и царемъ. Въ отношеніи всего остального папа готовъ былъ помириться на минимумъ. Если даже Иванъ и откажетъ въ своемъ разрѣшеніи на постройку церкви и на водвореніе іезуитовъ въ своей столицѣ,—въ данный моментъ можно будетъ удовольствоваться началомъ правильныхъ сношеній съ Русью.

Въ сущности, Шеврингъ сдѣлалъ больше того, чего ждалъ отъ него государь. Этому варвара Риму не удалось поразить ни чудесами своего искусства, ни пышностью религіозныхъ обрядовъ. Онъ больше интересовался папскими подарками—роскошнымъ *Agnus Dei*, золотую цѣпью и кошелькомъ съ 600 дукатовъ; однако, онъ не удовольствовался ими; этому неучу не только удалось осуществить сближеніе, которому такъ усердно мѣшала Польша—онъ обратилъ это сближеніе

противъ нея самой! Въ то время, какъ Баторій шелъ отъ триумфа къ триумфу и отъ побѣды къ побѣдѣ, Римъ и Москва сговаривались вырвать изъ его рукъ плоды его торжества. И притомъ царскій гонецъ не подавалъ папскому двору никакихъ надеждъ относительно успѣховъ католицизма на его родинѣ. Это доказываетъ намъ переписка кардинала де Комо, главнаго редактора инструкцій, данныхъ Поссевину. Въ письмѣ своемъ къ Калигари онъ безъ обиняковъ выражаетъ мысль, что поступокъ Ивана былъ внушенъ ему не хорошими намѣреніями, которымъ бы могъ радоваться Римъ, а хорошими ударами, принедевшимися на долю царя (*non nasce de buone intezione, ma solo delle buone battiture*).

Шевригинъ покинулъ Римъ 27 марта 1581 г., увозя съ собою живое доказательство своего успѣха: съ нимъ ѣхалъ Поссевинъ. Они должны были, возвращаясь тѣмъ же путемъ, по которому ѣхалъ Ивановъ гонецъ, привести въ Венецію и при дворѣ императора въ исполненіе задуманный планъ. Папскій легатъ формулировалъ общія предложенія передъ Совѣтомъ Десяти. Синьорія безъ дальнихъ словъ извлекла изъ нихъ то, что ей было удобно: начать торговыя сношенія съ Москвою — хорошо: это давно было ея желаніемъ; помирить царя съ польскимъ королемъ—согласны! торговля нуждается въ мирѣ. Остальное уже дѣло Рима. Въ конфиденціальномъ разговорѣ съ Поссевиномъ дожъ Никола да Понте выразительно замѣтилъ, что, со времени Лепанто, онъ не вѣритъ лигамъ. Въ Вѣнѣ и Прагѣ вопросъ о лигѣ былъ окончательно устраненъ. Кромѣ того, императоръ не далъ аудіенціи, и только одинъ легатъ видѣлся съ эрцгерцогомъ Эрнестомъ, который раньше былъ претендентомъ на польскій престолъ и только съ этой точки зрѣнія интересовался московскими дѣлами. Австрійской дипломатіи было, конечно, не трудно раскусить, на чемъ, собственно, была основана эта новая дружба между Римомъ и Москвою, за которую заплатить Польша. «Хлысть польскаго короля», писалъ Поссевинъ кардиналу де Комо, «можетъ быть, является наилучшимъ средствомъ для введенія католицизма въ Московіи». Ободренный успѣхомъ, Шевригинъ воображалъ, что привезетъ своему государю въ подарокъ изъ Вѣны титулъ Императора Востока. Но онъ получилъ только кошелекъ съ сотней флориновъ, и спутники разстались. Русскій гонецъ отправился въ Любекъ, а іезуитъ въ Вильну, чтобы приступить тамъ къ своей миссіи въ качествѣ посредника.
